
Илья ПРОЗОРОВ

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

Рассказ

Все мимолетно: и тот, кто помнит, и то,
о чем помнят.

Марк Аврелий Антонин

В конце осени я приехал к отцу на кладбище. Оно располагалось за городом у железной дороги. Облетела последняя листва с деревьев, и они стояли голые и черные, как после пожара. Завывал ноябрьский ветер, дующий с моря. Небо опустилось до самой земли, время от времени проливаясь холодными дождями. Вокруг было пустынно и уныло. Я вышел из автобуса и направился по длинной аллее в глубь кладбища. Я шел медленно, разглядывая запустевшие могилы. Они мирно спали под слоем обмякших листьев. Изредка попадались песчаные холмики свежих могил, усыпанные венками, и я опускал голову и смотрел под ноги, боясь прочитать даты смерти. Мне было стыдно, что я еще жив.

Аллея, несмотря на дожди, была сухая, и было так тихо, что мои шаги отдавались гулким эхом по всей округе, и земля дрожала, словно я шел по болотной топи. Чем ближе я подходил к отцовской могиле, тем неувереннее становилась походка. Я чувствовал себя виноватым перед отцом. Во-первых, что целый год не навещал его, во-вторых, что не оправдал его ожиданий. Путь до могилы превращался в душевную пытку.

Отец потерял для меня облик. Порой я забывал, как он выглядел, и, плетясь по аллее, я вспоминал черты его лица. Так происходит с близкими и родными людьми, которых уже нет с нами. Из всей нашей семьи только я мог ухаживать за отцовской могилкой. Остальные давно покинули страну. Жилось мне трудно, и я терпел жизнь. Раз в год, когда становилось невыносимо, я шел исповедоваться и искать спасения на кладбище. Я всегда его находил, только никогда не мог объяснить себе в чем. Мне как будто становилось легче, и я возвращался в город новым человеком. Путь к могиле выворачивал наизнанку. Я знал, что это — испытание, как и все остальное в моем скучном и беспросветном существовании. Я будто жил в лабиринте, из которого не было выхода. Кладбище давало мне, утопающему, возможность всплыть на поверхность и сделать глоток свежего воздуха.

Илья Прозоров — эстонский русский писатель, преподаватель литературы. Родился в 1987 году в Таллине (Эстония). Живет и работает там же. Учится на факультете славистики Таллинского университета. Лауреат литературной премии им. Марка Алданова (2019, второе место за повесть «Ди-трейн»). Номинация на литературную премию «Kultuurkapital» за рассказ «P. S.». Номинация на литературную премию Таллинского университета. Печатался на русском и эстонском языках в журналах: «Müürileht» (Эстония), «Vikerkaar» (Эстония), «Looming» (Эстония), «Värske Rõhk» (Эстония), «Вышгород» (Эстония), «Новый журнал» (США), «Чайка» (США), «Звезда» (Россия), «Нева» (Россия).

Где-то за лесом гудел поезд. Я шел по аллее, песок хрустел под ногами, а в голове играло кино из далекой прожитой жизни, где я почти все делал неправильно.

...Отец очень любил Арину. Он часто повторял мне, чтобы я держался за нее. Арина была очень красивой: рыжей и с голубыми глазами. Мужчины обожали ее. Мы с Ариной жили в одном районе, и родители иногда видели нас вместе. Я замечал, как издали мне подмигивал отец и улыбалась мать. «Если ты ее профукаешь, — говорил отец, — это будет твоей главной ошибкой. Пообещай мне, что этого не произойдет». Я обещал и даже клялся. «А вот это лишнее», — отвечал на мои клятвы отец. Он хотел купить нам с Ариной квартиру, но этого не случилось. В тот же год его не стало.

Однажды Арина залетела. Это случилось весной. Отца уже не было в живых. Стоял апрель, теплый и уютный, как мамины объятия. Арина донимала меня по телефону: месячные как неделю должны были прийти, но их все нет и нет. Я равнодушно выслушивал ее бредни и клал трубку. Какое мне дело до каких-то месячных — это женские заботы. Арина бесилась, кричала, грозилась настучать матери. Я сказал, что мне все равно, хоть и побаивался ее хабалистую мамашу, которую про себя называл «выдрой».

Через три недели, исхудавшая и потрепанная, постаревшая на десять лет, Арина ворвалась ко мне в квартиру и без чувств повалилась на пол. Я отнес ее безжизненное тело в ванную, включил теплый душ и привел в сознание. Арина лежала в ванне, и из нее выходила багровая жидкость вперемешку с черными комками. Это был наш ребенок — плод безответственных утех. Арина выла, истерично махала руками, материлась, рвала на себе волосы и смотрела глазами собаки, у которой минуту назад утопили щенков. Я делал вид, что все держу под контролем. Ни хрена я не держал: ноги подкашивались, душ вылетал из рук, меня тошнило...

Вечером я отвез Арину в больницу, сунул медсестре денег, чтобы ухаживала за ней и не спускала глаз. Ариной матери я соврал, сказав, что у дочери гипертонический криз, — медсестра подсказала, быстро войдя в наше идиотское положение. «Сама через это по-молодости прошла», — призналась она. В первый раз обошлось тремя днями стационара.

Второй раз (да, был еще второй) поставил жирную точку в наших отношениях. Знакомая медсестра, завидев нас издали, улыбнулась и помахала рукой. «Вы опять к нам?» — весело поинтересовалась она. Я молча протянул ей деньги. Она быстро сложила их и убрала в боковой карман халата. Арина провалялась на больничной койке две недели.

Самое страшное ждало впереди. У Арины в руках был сложенный пополам лист бумаги, который она держала в исхудавшем маленьком кулачке, когда я встречал ее из больницы. Она вышла оттуда чернее тучи.

— Вот, — еле сдерживая слезы, проговорила Арина, — посмотри...

Я взял лист и развернул его. На нем был изображен серый эмбрион. Латинскими буквами была написана Арина фамилия и год ее рождения. Это было УЗИ. Мне стало дурно.

— Единственная фотография нашего ребенка, — прошептала Арина, — посмотри, какие у него ножки и ручки! — Она водила пальцем по фотографии. Через секунду застыла, закрыв лицо руками, упала ко мне на колени и зарыдала.

Я был ошеломлен, раздавлен, убит. Я скомкал лист и выкинул его в помойное ведро, приказав Арине взять себя в руки и заткнуться, потому что ее рыдания привлекали прохожих.

— Верни мне нашего ребенка, — умоляла она, — верни мне его!

Она на карачках подползла к ведру, достала лист, развернула его, положила на землю и стала целовать. Опять теми же собачьими глазами посмотрела на меня, на

прохожих. Последние наблюдали этот цирк и улыбались. Кто-то уже звонил в полицию. Я проклинал весь мир и себя заодно. Я был готов упасть перед Ариной на колени и умолять простить меня. Но я не сделал этого. Я за шкирку поволок ее домой и засунул под холодный душ. Потом я трусливо сбежал, оставив ее одну. Может быть, здесь я и упал на самое дно, оборвав навсегда гнилую соломинку, за которую держался из последних сил.

Через месяц я позвонил Арине.

— Знать тебя не хочу... — равнодушно проговорила она и вежливо попрощалась.

Через три года Арина утонула в Финляндии. Ее тело так и не смогли найти.

...Отец часто повторял, что мое существование равно нулю. К концу жизни он стал угрюм и молчалив и не обращал на меня внимания. Бывало, что в течение всего дня мы не говорили друг другу и слова. Я не переживал — у меня были другие интересы.

Отец словно предчувствовал скорую смерть. Я помню нашу последнюю встречу. Я зашел в кухню. Отец смотрел в окно, где вдалеке огромной лужей разлилось Балтийское море, в ту роковую зиму очень спокойное и синее, и медленно курил. Он не обернулся, когда я вошел. Я бросил ему привет и полез в холодильник. Отец молчал. Я приготовил бутерброд, налил в кружку чаю и сел спиной к окну. Я тихо ел, стараясь не чавкать, потому что это раздражало отца.

— Приятного аппетита, — пожелал вдруг отец глухим голосом.

Я ничего не ответил. Я слышал, как он крепко затягивается сигаретой. Отец всю жизнь курил красный «L&M». Что-то пронеслось тогда в моей голове, какая-то жуткая мысль о надвигающихся переменах и необратимых последствиях. Это было легкое мгновение, и я не придал этому значения, но отец, этот холодный и жесткий, но чуткий человек, будто все уже знал наперед. Он посмотрел на меня и сказал:

— Береги себя, сынок...

Мне показалась странной отцовская нежность. Таким он бывал редко. Отец докурив и вышел из кухни. В следующий раз я видел его уже в гробу. Себе я так и не простил своего равнодушия в последнюю с ним встречу.

...Я никогда не понимал, зачем людям кладбища. В юности мне казалось, что это очередной человеческий каприз, очень глупый и бессмысленный, как и многое в мире. Я презирал бабушек и дедушек, вечно копошащихся перед могилами. Когда мне говорили, что кто-нибудь умер, я принимал безразличный вид и откалывал что-нибудь циничное и язвительное.

Меня с ранних лет окружала смерть. Она ходила со мной чуть ли не в обнимку, хватаясь умением истреблять дорогих и близких мне людей. Смерть очень рано сделалась для меня вещью рутинной и скучной. Я принимал ее как неизбежность. Первое свидание с ней я не забуду никогда. Это как первый раз с Ариной, который каленым железом из себя не выжечь.

В детстве я каждое лето гостил у бабушки в Выборге. Она жила в панельной пятиэтажке у лодочной станции на окраине города. Я обожал гулять с бабушкой по окрестностям. Она прожила в Выборге большую часть жизни и знала много интересных мест. Мы ходили на небольшой полуостров, далеко выдающийся в залив. На острове лежали развалины финской школы. Берег острова был усеян битым стеклом, использованными презервативами и шприцами. Бабушка стелила газетку на камень, садилась и наблюдала, как я прыгаю и ползаю по серым гранитным блокам. Она, хмуря брови, делала мне замечания, чтобы я был внимателен и не угодил в щель между острыми камнями. Я послушно кивал, а сам лез выше и выше. Бабушка внизу казалась игрушечной. Она улыбалась во весь рот, блестя золотыми коронками, и махала мне. Сверху открывался сказочный вид на залив, покрытый радужной пленкой. Тогда еще работала мясная фабрика, которая бессовестно сбрасывала в него отходы. Противо-

положный берег уходил в гору. На самой вершине горы стояла телевизионная вышка. Красно-белая, она была видна при въезде в Выборг и страшно пугала меня космическим видом. Вишенкой на торте была лодочная станция. Я знал ее наизусть. У сторожевой будки стояли ровными рядами зеленые шпоновые лодки, привязанные к общему тросу тонкими веревками. Они походили на малышей, которых вывели погулять во двор детского сада. Два дюралевых катера сверкали на солнце, мирно качаясь на волнах. В них я видел надзирателей за лодками. В конце причала, как балерина на подмостках, одиноко танцевала белоснежная яхта с длинной острой мачтой. Мачта доходила до самого неба и упиралась в него. На песчаном берегу спали перевернутые лодки, а за ними на много сотен метров вперед раскинулись облезлые лодочные гаражи. Там, в темных водах с радужной пленкой, навсегда утонуло мое детство.

Однажды, прогуливаясь по лодочной станции, я залез на деревянный понтон и лег на живот, чтобы следить за стайками уклеек. Бабушка ругала меня за испачканную куртку, но я все равно лежал и смотрел. Ярко светило солнце, и дно хорошо просматривалось. Бабушка стояла позади меня и думала о своем. Я заметил что-то белое. Оно медленно плыло в толще воды прямо из-под понтона. Стая рыбешек рассыпалась и исчезла. Я присмотрелся к неизвестному предмету. Страшный холод сковал мое детское тело. Я увидел набухшее человеческое лицо без глаз, с высунутым обрубком языка, который наполовину разложился и болтался, как червяк. Я хорошо успел разглядеть это лицо. Оно принадлежало мужчине. Я захотел крикнуть, но вместо этого отскочил назад. Бабушка спросила, в чем дело. Она не могла не заметить моего испуга. Я наврал, что у меня резко заболел живот, и попросился домой. Бабушка погладила меня по голове, и мы ушли с лодочной станции. Через два дня я слышал, как у подъезда бабушкиного дома обсуждали найденный в заливе труп. Потом он часто мне снился, и я кричал во сне. Бабушка спрашивала, что мне снится. Я отвечал, что ничего не помню. Бабушка готовила мои любимые розочки, а я в каждом печенье, покрытом сахарной пудрой, видел лицо утопленника. Сейчас я тоже могу его увидеть. Достаточно закрыть глаза, и его ватное лицо проплывает у меня перед глазами, а следом плывут маленькие уклеики, и все окончательно перемешивается в моей старой больной голове.

...Отец. Двадцать лет. Ты совсем не постарел, только оброс мхом по краям могилы. А так — хоть сватай тебя. Когда отца хоронили, мне было пятнадцать, и я был совершенно равнодушен к смерти. Белый отцовский лоб напоминал посыпанный мукой стол. Я целовал его без всякого удовольствия. Это как поцеловать куклу, которая может ожить. Главное — вовремя зажмуриться и не смотреть покойнику в лицо. А то вдруг откроются глаза, и тогда я сразу вспомню утопленника и закричу.

Это все — скупые фрагменты того морозного дня, когда хоронили отца. Его хоронили в феврале, в мерзлом песке, который много тысяч лет назад был дном моря. Значит, отца похоронили на дне моря. Очень символично. Отец был рыбой по гороскопу...

Отец часто по ошибке наливал в кружку холодную воду вместо кипятка, чтобы заварить кофе. Он забывал вскипятить чайник. На работе его мучили, он приезжал недовольным и злым и грубил жене, дочери, сыну. Последнему доставалось больше всех: я плохо учился, и отыгрываться на мне было семейной традицией. Отец ворчал: «Вырастешь никем. Твое существование равно нулю...»

Однажды на Новый год Дед Мороз подарил мне игрушечный автомобиль — «ягуар» с откидным верхом. Темно-зеленый, с хромированными фарами, он смотрел на меня из прозрачной упаковки и будоражил фантазии. «У меня будет точно такой же, когда я вырасту!» — невольно вырвалось из меня. «Не будет, — раздался глухой, подвыпивший голос отца, — двоечникам „ягуары“ не положены». Я плакал, помню, я вообще был большим плаксою в детстве. Отец ненавидел мои слезы.

Я копил косяки, как снежный ком. Родители за меня переживали. Думали, что я вырасту балбесом, хулиганом и что путь на дно мне давно заказан. Я не читал книг — я презирал книги. Я не занимался спортом — спорт был мне ненавистен. Мои интересы ограничивались пивом, сигаретами и девчонками из соседних подъездов. Отчаявшиеся родители много ругались, не зная, что со мной, дураком, делать.

...У Арины была лучшая подруга — Кристи. Она была эстонкой и не говорила по-русски, но это не мешало мне любить ее. Правда, невинности я лишился именно с Ариной. Это случилось в один из последних дней очередного угарного лета. Все те же пятнадцать лет висели надо мной — переломный возраст. Арина была старше меня на год и уже успела стать женщиной в начале лета.

— Я делаю тебе одолжение, — важно сказала она, повалив меня на грязную кушетку на дачной веранде.

— Какое одолжение?

— Твоя будущая девушка должна меня благодарить, — шептала Арина, расстегивая на мне рубашку.

Я обнимал Арину за талию, делая вид, что умею обращаться с женщинами. Руки мои тряслись.

— У меня нет девушки, — дрожащим голосом отвечал я.

— Брось, все знают, что ты влюблен в Кристи. Вы почти пара...

Кристи давно спала пьяная в бане в обнимку с моим другом. Этого я не смог ей простить. Я захотел отомстить Кристи, а находчивая Арина поспешила воспользоваться пробежавшей между нами кошкой. Через неделю мы с Ариной объявили всем о наших отношениях. Кристи помрачнела и никогда больше не смотрела на меня прежними глазами. Спустя много лет я узнал, что она любила меня...

* * *

Я у могилы. Спит мертвая земля. Валяются красные тельца барбарисок, обваленные в песке. Это птицы крадут с могил конфеты, но не способны их проглотить.

Отец. Двадцать лет. Наверное, ты желал бы, чтобы я навещал твою могилу вместе с Ариной и нашими детьми? Но Арины нет, она ушла следом за тобой. Нет Кристи — она тоже ушла вслед за Ариной. Давно нет бабушки. Про вас, мертвых, скажут, мол, жили-были такие-то и такие-то, тогда-то и тогда-то. Теперь никого из вас нет, только я остался жить на этой глупой Земле. Вы распались на атомы. Мне больно вспоминать то, что невозможно теперь изменить. Я такой, потому что никаким другим быть не могу. И мне вдвойне больнее от этого. Может быть, если бы я умел, я воскресил бы вас из мертвых, и мы начали жизнь заново. Почему у человека нет возможности поработать над ошибками, как в школе? Я был бы в первых рядах. А если бы мироздание сопротивлялось, я засунул бы гордость глубоко в задницу и упал бы перед ним на колени, горько заплакав. Я бы сто, тысячу раз падал, только бы все вернуть и начать сначала. Я бы отмотал назад, к лодочной станции, и стартанул оттуда. К черту понтон, я не полез бы разглядывать глупых уклеек! Я бы послушался бабушку, и мы пошли в парк, к лесному мальчику¹, где скрипели ржавые аттракционы, покататься на «Орбите», ведь бабушке так хотелось сделать мне приятное и потратить бережно накопленные за год деньги. Тогда бы я не увидел утопленника, навсегда обманув смерть. Я бы послушался тебя и женился на Арине хоть в шестнадцать лет. Ты бы подарил нам квартиру, и мы бы жили счастливо вместе с нашими детьми. Я бы тысячу раз извинился перед Кристи. Я бы не бил слабых и беззащитных одноклассников в школе.

¹ Имеется в виду статуя «Лесной юноша» в центральном городском парке Выборга (прим. авт.).

Я бы не издевался даже над мухами и гусеницами. Я бы раздавал деньги бедным. Да что там деньги, я бы последнее с себя снимал. Я бы желал всем только хорошего. Я бы не носил в себе желчь и не изливал бы ее на окружающих. Я бы уничтожил в себе эгоизм. Я бы сделался другим, перековал бы себя. Я бы окончил университет. Я бы нашел достойную работу. Я бы стал обычным и нормальным, спокойным и расчетливым, в меру глупым и жадным, скользким и наглым, лицемерным и эгоистичным. Я бы не ковырялся палочкой в навозе прошлого. Я бы жил здесь и сейчас. Я бы разобрался с жизнью! И не было бы мое существование равно нулю, и я бы шел только вперед, не оглядываясь назад, с гордо поднятой головой, с холодным взглядом и каменным сердцем...

В третьем классе у меня появилась замечательная идея — угнать школьный автобус. Я хотел набить его одноклассниками: девочками в шерстяных колготках и мальчиками в коротких шортиках; поставить в салон телевизор, засунуть в бардачок видик и крутить сутками диснеевские мультфильмы, — чтобы не ждать каждый раз воскресенье². Умчаться в неизвестную даль, где на деревьях растут жвачки и «Чупа-чупсы», а города построены из «Lego». Кто там был в автобусе? Кого я брал вместе с собой? Многих из них давно нет на свете. Они не вернуться. И мне стыдно, что я еще жив.

² В 90-е годы диснеевские мультфильмы транслировались по воскресеньям (прим. авт.).